

**Институт наследственного фонда: закон, юридическая доктрина, реализация
(на основе анализа опыта романо-германской
и англосаксонской правовых систем)¹**

Р. М. Ушаков

Саратовская государственная юридическая академия.
Адрес: ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
410056, Саратов, ул. Вольская, д. 1.
E-mail: rafikov.ruslan@list.ru

**Institution of the Inheritance Fund: Law, Legal Doctrine, Implementation
(Based on an Analysis of the Experience of the Romano-Germanic
and Anglo-Saxon Legal Systems)**

R. M. Ushakov

Saratov State Academy of Law.
Address: Saratov State Academy of Law,
1 Volskaya Street, Saratov, 410056, Russian Federation.
E-mail: rafikov.ruslan@list.ru

Аннотация

В статье рассматривается ряд дискуссионных аспектов правового регулирования института наследственного фонда. На основе анализа гражданского законодательства и положений цивилистической доктрины автором обосновывается необходимость совершенствования законодательной конструкции наследственного фонда в векторе упрощения процедуры его создания и расширения свободы волеизъявления завещателя. Аргументируется, что рецепция данного правового института в отечественную систему гражданского права – положительный шаг в расширении его дозволительных начал, соответствующий мировым тенденциям развития наследственного права. Обосновывается необходимость установления в Гражданском кодексе Российской Федерации диспозитивной нормы, предусматривающей возможность для завещателя в превентивных целях заключить дополнительное к завещанию соглашение, связывающее соответствующих лиц, в том числе на возмездной основе, обязательством после смерти наследодателя не отказываться от вхождения в состав органа управления фонда и далее надлежаще исполнять свои обязанности, что может быть подкреплено указанием в договоре мер их имущественной ответственности.

Ключевые слова: наследственный фонд, юридическое лицо, некоммерческая организация, унитарная организация, устав, наследство, наследодатель, наследник, выгодоприобретатель, завещание, завещатель, нотариус.

Abstract

The article explores a number of debatable aspects of the legal regulation of the institution of the inheritance fund. Based on the analysis of civil law and the provisions of the civil law doctrine, the authors substantiate the need to improve the legislative structure of the inheritance fund in the vector of simplifying the procedure for its creation and expanding the freedom of will of the testator. It is argued that the reception of this legal institution in the domestic civil law system is a positive step in expanding its permissive beginnings, consistent with global trends in the development of inheritance law. It justifies the need to establish a dispositive norm in the Civil Code of the Russian Federation, providing for the possibility for the testator to conclude an agreement complementary to the will binding the relevant persons, including on a reimbursable basis, with an future obligation, after the

death of the testator, not to refuse to become a member of the fund management body and continue to properly perform their duties, which can be supported by an indication in the contract of measures of their property liability.

Keywords: inheritance fund, legal entity, non-profit organization, unitary organization, statute, inheritance, testator, heir, beneficiary, testament, testator, notary.

Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ¹ в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) введены нормы, позволяющие учреждение посмертных наследственных фондов. Под новым для отечественной цивилистики явлением понимается фонд, созданный во исполнение завещания гражданина на основе его имущества, осуществляющий деятельность по управлению им в течение определенного срока или бессрочно (ч. 1 ст. 123.20-1 ГК РФ). Иными словами, наследственный фонд обладает правовым статусом самостоятельного наследника и юридического лица одновременно, что обусловлено двойственностью его правовой природы. По существу, наследодателю предоставлена возможность посредством совершения односторонней сделки – завещания – учредить самостоятельный субъект гражданского права – наследственный фонд, правоспособность которого состоит из более сложной, чем в обычных фондах, совокупности прав и обязанностей, что способствует образованию на практике множества ранее неизвестных форм и видов правоотношений. Данное обстоятельство обосновывает интерес цивилистики к исследованию обозначенного юридического явления.

На наш взгляд, рецепция в российское гражданское законодательство подобной юридической конструкции позволяет приблизить его к современным международным стандартам наследственного права.

Наследственный фонд является относительно давним правовым институтом в гражданском законодательстве государств как англосаксонской, так и романо-германской правовых систем [12. – С. 249], что обуславливает формирование широкого спектра модификационных особенностей его легальной конструкции. Например, согласно п. 1 параграфа 87 Германского гражданского уложе-

ния 1896 г.² (далее – ГГУ), в случае изменения целей фонда (если их осуществление стало невозможным или начало угрожать общественным интересам), что в последующем умалило интересы выгодоприобретателей в части порядка осуществления соответствующих выплат, орган власти вправе скорректировать правовой статус фонда. Тем самым государство допускает изменение целей фонда в случае возникновения общественной необходимости и одновременно контролирует надлежащее исполнение воли завещателя, защищая интересы выгодоприобретателей.

В соответствии с п. 3 ст. 3 Закона Испании 2002 г. «О фондах»³ запрещается создание фондов, в том числе и наследственных, основная цель которых заключается в выплате пособий учредителю, его супругу и иным лицам, связанным с ним аналогичными «эмоциональными отношениями», а также его родственникам до четвертой степени включительно и отдельным юридическим лицам, не преследующим общественных интересов, т. е. подчеркивается социальная функция фондов и исключается коммерческая направленность их деятельности.

Согласно п. 4 ст. 11 Закона Республики Молдова 1999 г. «О фондах»⁴ законные наследники и кредиторы учредителя наследственного фонда имеют по отношению к фонду тот же объем прав, что и по отношению к любому другому завещанному имуществу.

В п. 1 параграфа 3 Закона Словакии 1996 г. «Закона о неинвестиционных фондах»⁵ предусматривается возможность учреждения фондов

² См.: Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html> (дата обращения: 18.02.2021).

³ См.: Ley 50/2002, de 26 de diciembre, de Fundaciones. – URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2002-25180> (дата обращения: 08.03.2021).

⁴ См.: Закон Республики Молдова от 30 июля 1999 г. № 581–XIV «О фондах». – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3240 (дата обращения: 14.03.2021).

⁵ См.: Zákon o neinvestičných fondoch a o doplnení zákona Národnej rady Slovenskej republiky č. 207/1996 Z. z. – URL: <https://www.zakonypreludi.sk/zz/1997-147> (дата обращения: 16.03.2021).

¹ См.: Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 31 (ч. I). – Ст. 4808.

(в том числе наследственных) не только физическими, но и юридическими лицами; допускается множественность лиц на стороне учредителя.

Резюмируя, следует констатировать, что за рубежом существует множество подходов к пониманию должного законодательного регулирования наследственных фондов. Отметим, что в ряде указанных источников отсутствует обособленное закрепление словосочетания «наследственный фонд»: регламентация их деятельности осуществляется в общем порядке. В наиболее обобщенном виде подход зарубежного законодателя включает в себя дозволение учреждения посмертных и прижизненных наследственных фондов (а также семейных фондов) физическими и юридическими лицами единолично либо совместно [8. – С. 113], что обеспечивает высокий уровень диспозитивности данной конструкции наследственного фонда, в отличие от несколько узких признаков ее отечественной модели. Тем не менее полагаем, что прямая непроработанная реализация подобного широкого подхода зарубежных правопорядков к регламентации наследственных фондов в российском гражданском праве без учета особенностей последнего является недопустимым вектором развития. Наследственный фонд в данном случае утратит связь с собственной исходной правовой природой, в основе которой – смерть физического лица как юридический факт, что, в сущности, исключит характеристику данного фонда как наследственного.

В отечественной гражданско-правовой доктрине существует несколько точек зрения относительно актуальности внедрения института наследственного фонда в ГК РФ. Еще на момент обсуждения наследственной реформы целесообразность новеллы ставилась под сомнение рядом цивилистов. В частности, профессор Е. В. Суханов справедливо отметил, что предложенная реформа наследственного права находится в прямом противоречии с традиционно сложившейся доктриной гражданского права и выстроена нелогично на концептуальном уровне [17]. Р. П. Мананкова приходит к заключению, что текущая «конструкция (наследственного фонда) чрезмерно громоздкая и выглядит чужеродным звеном в ткани традиционно логичного отшлифованного столетиями нормативного материала», при этом следует согласиться с тем, что «новые нормы появились без оглядки на многовековую теорию наследственного права и буквально взрывают отработанную доктрину» [15. – С. 263].

Инструментом, во многом сходным новелле, способным преуменьшить ее востребованность, является закрепленный в ГК РФ институт доверительного управления наследственным имуществом, выступающий способом его сохранения и увеличения стоимости (ст. 1173 ГК РФ), что в определенной мере совпадает с целями учреждения наследственного фонда. Однако при всей схожести признаков данные правовые институты имеют различные концептуальные истоки. Первый обладает, с одной стороны, обязательственной природой, исходящей из закрепления условий его создания в завещании, а с другой – природой юридического лица; второй же характеризуется договорно-правовой сущностью, поскольку в его основе – необходимость заключения соответствующего соглашения с нотариусом, выступающим по общему правилу его учредителем. Наследственный фонд, в отличие от доверительного управления наследственным имуществом (максимально возможный срок действия которого пять лет (п. 8 ст. 1173 ГК РФ), ориентирован, как правило, на более длительное время и может быть создан бессрочно, при этом перечень объектов, включенных в наследственную массу данного фонда, не ограничен, в то время как при доверительном управлении такими объектами не могут быть деньги (п. 1. 1173, п. 2 ст. 1013 ГК РФ). Следовательно, полагаем, что ввиду срочности договора доверительного управления наследственным имуществом и узкой направленности по объектам, подлежащим управлению, одного механизма доверительного управления недостаточно для наиболее полной реализации интересов наследодателя [16. – С. 213].

В остальном следует констатировать, что большинство ученых считают целесообразным введение в ГК РФ конструкции «наследственный фонд». Действительно, наследственные фонды обладают рядом бесспорных достоинств. В частности, посредством создания наследственного фонда завещатель имеет возможность осуществлять финансовую поддержку близких лиц (в том числе нетрудоспособных) после своей смерти на протяжении длительного времени. При этом исключается шестимесячный срок принятия наследства и его раздел, что устраняет риски растраты капитала организации (прежде всего, принадлежащих наследодателю акций и долей в хозяйственных обществах) в результате некомпетентных действий потенциальных наследников, а также предотвращает нарушение законных

интересов иных ее собственников, заинтересованных в нормальном функционировании предприятия как единого целого, без дробления его собственниками. В конечном итоге при условии грамотного управления наследственным имуществом учреждение наследственного фонда гарантированно обеспечит доход выгодоприобретателям. Публичный интерес также представлен: закрепление возможности создания наследственных фондов в ГК РФ является антиофшорной мерой, направленной на сохранение национального капитала [22. – С. 80–81].

С позиции отечественной частноправовой доктрины введение анализируемого института является бесспорно позитивным шагом, поскольку данный акт правотворчества расширяет сферу дозволительного в юридической практике, что более явно воплощает в действительность гражданско-правовой диспозитивный метод, в основе которого – децентрализация правового регулирования, координация равноправных субъектов права, обладающих свободой воли, которая проявляется в процессе реализации их гражданской правоспособности.

Создание наследственного фонда является актуальным именно для собственников крупного капитала, число которых ввиду ускорения процессов социальной дифференциации в России и мире непрерывно растет [26. – С. 31].

На данный момент в стране возможностью сохранения активов посредством указания в завещании решения об учреждении наследственного фонда воспользовались как минимум шестьсот человек [18]. Однако следует констатировать, что российские предприниматели в целом с недоверием относятся к текущему состоянию правового регулирования отечественных наследственных фондов, предпочитая обращаться к праву зарубежных государств, где юридическая практика в сфере функционирования подобных фондов сформировалась в позитивном ключе (Фонд Нобеля, Фонд имени Роберта Боша, Фонд Форда и др.) [2. – С. 101]. Полагаем, что при условии гармоничного развития российской модели наследственного фонда положительный социальный эффект от ее реализации, выраженный в создании рабочих мест, развитии благотворительности, культуры, образования и др., будет проявлен через десятилетия.

На наш взгляд, механизм создания наследственных фондов, урегулированный ГК РФ, характеризуется отсутствием должной проработки.

Имеется ряд пробелов, дефектов и неточностей его юридической конструкции, которые не позволяют раскрыть в полной мере потенциал данного правового средства, что усложняется его новизной и отсутствием сформированной юридической практики по учреждению и функционированию наследственных фондов. В доктрине существует целый спектр мнений относительно перспектив развития их правового регулирования.

Во-первых, наследственный фонд, как и фонды в целом, является унитарной некоммерческой организацией (п. 1 ст. 123.17 ГК РФ), что вызывает дискуссии в цивилистике. С. Г. Ляшко справедливо указывает, что определить наследственный фонд, обладающий двойственной сущностью, как строго некоммерческую организацию весьма проблематично [14. – С. 94]. Налицо противоречие между целями создания фонда и способами их достижения, поскольку свои *коммерческие* интересы завещателю необходимо обеспечить путем создания *некоммерческой* организации [25. – С. 53]. Следует согласиться с тем, что, несмотря на законодательно предоставленную возможность реализации благотворительной деятельности, наследственные фонды в России в существенно меньшей степени ориентированы на нее [13. – С. 23]. В противовес этому в англосаксонской правовой системе данные фонды создаются преимущественно в социальных целях, в частности, на обеспечение сфер образования и культуры [3. – С. 60]. Указанием на коммерческую основу деятельности наследственного фонда также служит то обстоятельство, что в данной организации, в отличие от обычного фонда, попечительский совет которого осуществляет свою деятельность строго на общественных началах (п. 4 ст. 123.19 ГК РФ), разрешается работа данного органа (а также иных органов фонда) на возмездной основе (п. 5 ст. 123.20-2 ГК РФ).

Действительно, в гражданском законодательстве допускается учреждение наследственного фонда, наделенного статусом некоммерческой организации, для управления имуществом наследодателя в целях извлечения прибыли и передачи ее части в пользу конкретных выгодоприобретателей (п. 1 ст. 123.20-3 ГК РФ). Как отмечает С. Г. Ляшко, одним из возможных способов решения вышеобозначенной проблемы является расширение перечня целей деятельности фонда в ГК РФ (п. 1 ст. 123.17) и в аналогичной

по содержанию нормы Федерального закона «О некоммерческих организациях» (п. 1 ст. 7)¹ путем исключения признака общественной полезности [14. – С. 92]. Однако следует ли подобным образом кардинально изменять общее правило о фондах для одного конкретного его вида, допускающего использование имущества организации в коммерческих целях? Как полагаем, поскольку нормы о наследственном фонде (ст. 123.20-1–123.20-3 ГК РФ) являются специальными по отношению к общим нормам о фондах (ст. 123.17–123.20 ГК РФ) и действует правило *lex specialis derogat generali* (специальный закон отменяет общий). Очевидно, что указанное противоречие вполне преодолевается существующей законодательной формой, допускающей подобное исключение. В целях повышения точности законодательной техники считаем разумным дополнить определение фонда в ГК РФ (п. 1 ст. 123.17) и в Федеральном законе «О некоммерческих организациях» (п. 1 ст. 7) отсылочным (бланкетным) указанием на то, что иные цели фондов допускаются в случаях, установленных ГК РФ.

На наш взгляд, для решения обозначенного вопроса на концептуальном уровне необходимо учитывать смешанную юридическую природу института наследственного фонда, а также в целом дозволительную направленность гражданского права, ориентированного на предоставление широких границ свободного усмотрения участникам гражданского оборота. В этой связи видится целесообразным передать выбор ряда особенностей организационно-правовой формы наследственного фонда самому завещателю: если цели его деятельности, закрепленные в уставе, направлены на управление имуществом исключительно для совершения выплат в пользу конкретных физических лиц, то следует определять такую организацию как коммерческую с последующим установлением соответствующего правового режима (прежде всего налогового); в ином случае, если в качестве выгодоприобретателей указываются категории некоммерческих организаций и (или) физических лиц, в отношении которых в будущем следует производить выплаты по основаниям, включающим критерии их социально

значимой деятельности, разумно, что данный наследственный фонд подпадает под общие правила правового регулирования некоммерческих организаций как организация, преследующая благотворительные, культурные, образовательные и иные общественно полезные цели. Обозначенный аспект правового статуса наследственных фондов является наиболее важным, поскольку от его правильного определения зависит применение режима налогообложения, который на данный момент в законе однозначно не установлен, что, по мнению А. Е. Гавриловой и Р. Г. Талибуллина, может иметь последствием двойное налогообложение доходов наследственного фонда, а также льгот для получения выгодоприобретателями имущества от фонда [9. – С. 94]. Думается, предложенное позволит избежать этих последствий.

Во-вторых, следует признать, что существующее в настоящее время ограничение на учреждение наследственного фонда при жизни наследодателя весьма необоснованно исключает для последнего возможность наладить эффективную систему управления организацией и нормализовать ее работу. На наш взгляд, необходимо законодательное закрепление, исходя из положительного опыта зарубежных государств, дозволения на создание прижизненного наследственного фонда, что является необходимой мерой, благодаря которой завещатель сможет определить субъектный состав органов управления, их порядок функционирования и выработать проверенный временем и практикой устав. Последнее особенно значимо, поскольку в случае допущения недостатков юридической техники положений устава возможна ситуация, когда наследственный фонд на протяжении долгого времени будет осуществлять деятельность по управлению имуществом на основе неэффективных организационно-правовых предпосылок.

В-третьих, как следует из анализа норм, регламентирующих процедуру создания наследственного фонда, должная реализация последней воли завещателя поставлена в жесткую зависимость от соблюдения определенного порядка наступления юридических фактов, пропуск одного из которых влечет отказ в регистрации (п. 2 ст. 123.20-1 ГК РФ) или ликвидации фонда (п. 4 ст. 123.20-2 ГК РФ), что, на наш взгляд, противоречит правам и законным интересам завещателя: волеизъявление последнего весьма необоснованно ограничивается волеизъявлением иных

¹ См.: Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (ред. от 2 декабря 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 145; 2019. – № 49 (ч. V). – Ст. 6953.

лиц (альтернативы которым, как правило, не предусмотрено в законе). В доктрине справедливо признается, что процедура создания наследственного фонда является слишком сложной, что препятствует его учреждению и дальнейшему нормальному функционированию и требует устранения [10. – С. 26].

Следует указать на недостаток механизма регистрации наследственного фонда, в частности, в аспекте отсутствия способов возложения ответственности на лиц, указанных в завещании в качестве субъектов, формирующих органы управления данной организации, а также сложности их посмертной замены [21. – С. 175]. На практике возможно возникновение ситуации, в рамках которой лица, согласившиеся образовать органы управления наследственного фонда при жизни наследодателя, по какой-либо причине отказываются от вхождения в состав органа управления либо перестают исполнять эти обязанности (смерть, признание недееспособным, отказ от исполнения обязанностей), при этом в уставе могут отсутствовать положения, регламентирующие их замену в случае выбытия и не предусматриваться возможности подназначения данных лиц из определенного списка (п. 4 ст. 123.20-2 ГК РФ), либо все подназначенные лица отказались от вхождения в орган управления, что влечет прямую угрозу деятельности наследственного фонда. В случае отказа лица, указанного в решении об учреждении наследственного фонда, войти в состав органов фонда и невозможности сформировать органы фонда в соответствии с решением об учреждении фонда, нотариус не вправе направлять в уполномоченный государственный орган заявление о создании наследственного фонда (п. 3 ст. 123.20-2 ГК РФ). В условиях отсутствия кворума в коллегиальных органах фонда либо единоличного исполнительного органа наследственный фонд формально продолжит существование и в течение года будет ликвидирован (п. 4 ст. 123.20-2 ГК РФ).

В этой связи в науке предлагается для решения обозначенной проблемы предоставить суду право назначать управляющего из числа лиц, входящих в саморегулируемую организацию арбитражных управляющих [11. – С. 91]. Применительно к ситуации, когда все лица, указанные в завещании как субъекты, образующие органы наследственного фонда, не остались в живых к моменту его создания, в доктрине аргументируется потребность в закреплении специального положения о

передаче имущества наследникам по закону при условии невозможности формирования данных органов и в случае дальнейшей ликвидации фонда [1. – С. 11]. Отдельными авторами обосновывается необходимость предоставления судам при отказе лиц, указанных в завещании, от участия в формировании органов управления наследственного фонда, возможности в принудительном порядке сформировать их, например, по предложению выгодоприобретателей [5. – С. 645–646].

На наш взгляд, правом отказа от участия в управлении могут злоупотреблять именно данные субъекты, как правило, не заинтересованные в создании фонда и преследующие цель стать собственниками его имущества. В рассмотренной ситуации единственно верным решением будет установление в ГК РФ диспозитивной нормы, предусматривающей возможность для завещателя в превентивных целях заключить дополнительное к завещанию соглашение, в том числе на возмездной основе, связывающее лиц обязательством в будущем, после смерти наследодателя, не отказываться от вхождения в состав органа управления фонда и далее надлежаще исполнять свои обязанности, что должно быть подкреплено указанием в договоре мер их имущественной ответственности. Полагаем, что целесообразно включить указанных лиц в число субъектов, которые не вправе нарушать тайну завещания (ст. 1123 ГК РФ). Осуществление изложенных мер должно способствовать более полной реализации свободного усмотрения учредителя наследственного фонда, направленного на улучшение управления организацией, что соответствует потребностям динамично развивающегося гражданского оборота.

В-четвертых, как следует из содержания норм статьи 123.20-1 ГК РФ, в рамках процедуры создания наследственного фонда на нотариуса фактически возлагается дополнительная нагрузка по реализации функции по исполнению завещания. И. Г. Ренц называет требования к нотариату эксклюзивными, но, напротив, считает их необходимыми при работе с такой сложной правовой конструкцией, как наследственный фонд, что не исключает межпрофессионального сотрудничества (юристов, оценщиков, аудиторов и т. д.) [19. – С. 151]. Автор определяет выдачу нотариусом наследственному фонду свидетельства о праве на наследство (ст. 1162 ГК РФ) ненужной формальностью, так как данный фонд является необходимым наследником и факта его

создания достаточно для признания принятия наследства [19. – С. 355–356]. Однако в данном случае предоставление свидетельства о праве на наследство, наоборот, является целесообразным, поскольку оно представляет собой единственный документ, подтверждающий переход права собственности от бывшего собственника (наследодателя) к действующему (наследнику). Причем данное подтверждение востребовано прежде всего новым собственником-наследником в отношении всех третьих лиц. В целях совершения гражданско-правовых сделок с наследником (наследственным фондом) в условиях минимального риска предмет интереса субъектов гражданского оборота составляет не факт принятия или непринятия, или отказа от наследства, а следующий ряд вопросов: кто собственник конкретного отчуждаемого имущества? Правомочен ли продавец на продажу, является ли он собственником? В единоличной или общей собственности это имущество находится? Иными словами, право наследника (наследственного фонда) на наследство в указанных случаях проверяется лишь после выдачи правоустанавливающего документа, официально подтверждающего наследственные права на имущество наследодателя, каковым является свидетельство о праве на наследство, в чем состоит его значение для обеспечения стабильности гражданского оборота. Таким образом, полагаем, что выдача данного свидетельства не должна быть исключена в отношении наследственного фонда.

Помощник нотариуса Курского городского нотариального округа Т. А. Астафьева отмечает загруженность нотариальных контор, ведущих дела о создании наследственных фондов [1. – С. 11–12].

Как следует из официальной статистики Министерства юстиции РФ, в России зарегистрировано всего 8 047 нотариусов (2018 г.)¹ При этом к настоящему времени в стране зафиксировано как минимум шестьсот случаев закрепления в завещании положений, предусматривающих создание посмертных наследственных фондов (и, как полагаем, отсутствуют предпосылки для их значительного роста в обозримом будущем). Поэтому с учетом проведенных математических расчетов

(примерно на четырнадцать нотариусов приходится создание одного наследственного фонда) очевидно, что применение новеллы должно весьма незначительно усложнить работу нотариусов в целом.

Более того, на наш взгляд, следует согласиться с тем, что предстоящее широкое внедрение и применение технических средств в деятельности нотариата значительно смягчит проблему его загруженности и ускорит процедуру учреждения наследственного фонда [20. – С. 199].

Так, с 1 января 2020 г. вступили в юридическую силу поправки к Федеральному закон «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате»², совершенствующие правовое регулирование ранее введенной автоматизированной информационной базы – Единой системы нотариата (ст. 34.1–34.5), обеспечивающей сохранность и безопасность юридически значимых сведений, скорость и качество получения нотариальных услуг. Благодаря развитию ее материально-технического и правового обеспечения гарантируется высокий уровень систематизации нотариально значимой информации, предоставляется возможность удаленного обращения к нотариусу для совершения нотариальных действий. В связи с этим необходимо заключить, что возложение обязанности на нотариуса по юридическому сопровождению процедуры учреждения наследственного фонда, является разумной мерой.

В-пятых, поскольку наследственный фонд не отвечает по обязательствам выгодоприобретателей, а выгодоприобретатели – по обязательствам фонда (п. 7 ст. 123.20-3 ГК РФ), на практике возможно возникновение ряда ситуаций, способствующих умалению прав и законных интересов кредиторов наследодателя. Действительно, наследственный фонд отвечает по долгам наследодателя в порядке универсального правопреемства (п. 1 ст. 1110, ч. 1 ст. 1112, ст. 1175 ГК РФ), однако, как следует из формально-юридического анализа соответствующих норм ГК РФ (п. 1 ст. 123.20-3), после передачи имущества выгодоприобретателям обращение взыскания на него невозможно. Иными словами, если соб-

¹ Сведения о нотариате в Российской Федерации. – URL: <https://minjust.ru/ru/2018/svedeniya-o-notariate-v-rossiyskoy-federacii> (дата обращения: 23.03.2021).

² См.: Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 52 (ч. I). – Ст. 7798.

ственность наследственного фонда будет передана выгодоприобретателям, указанным в завещании, незамедлительно после создания организации, а кредиторы не успеют предъявить требование о взыскании задолженности с наследственного фонда, перешедшей к нему от завещателя в общем составе наследственной массы, то выгодоприобретатели не отвечают по данным обязательствам, что создает широкие возможности для злоупотребления правом. Последнее посягает на фундаментальный принцип гражданского права – принцип добросовестности [6. – С. 39; 7. – С. 206].

В частности, завещатель вправе предусмотреть в условиях управления наследственным фондом единоразовую передачу значительной части имущества фонда выгодоприобретателям (п. 4. ст. 123.20-1 ГК РФ) и минимальный остаток собственности на балансе организации, что позволит обратить взыскание лишь на малую часть перешедшего от наследодателя имущества и уклониться от выплаты задолженности в полном объеме, что недопустимо с правовой точки зрения. Одним из возможных способов решения данной проблемы, по мнению И. З. Аюшевой, является введение ограничений на совершение сделок по распоряжению имуществом фонда до погашения обязательств перед кредиторами наследодателя [2. – С. 105]. На наш взгляд, законодателю необходимо разработать специальный механизм, устанавливающий правила погашения долгов наследодателя из наследственной массы, ставшей основой для формирования имущества фонда, при этом, как полагаем, в ряде случаев следует рассмотреть вопрос допустимости их взыскания с каждого выгодоприобретателя пропорционально его доле в наследственном имуществе. Предложение на первый взгляд противоречит п. 1 ст. 1175 ГК РФ, в соответствии с которым наследники отвечают по долгам наследодателя солидарно перед кредиторами. Однако по общему правилу выгодоприобретатель не является наследником. В этой связи считаем, что применительно к данной ситуации наиболее разумным является установление пропорциональной ответственности.

Образцом для рецепции в данном случае может служить законодательство государств англосаксонской правовой системы, в которых наследование осуществляется в обратном порядке: передача наследственной массы наследникам реализуется только после процесса администри-

рования (имущество по решению суда переходит в доверительную собственность (траст) к исполнителю, указанному в завещании, либо к администратору, назначаемому судьей), в результате чего производится расчет с кредиторами по долгам наследодателя, а оставшееся имущество передается наследникам [23. – С. 49]. Однако указанные положения противоречат традиционному для российского права (как основанного на континентальной системе права) принципу универсального правопреемства, который предполагает переход всей совокупности прав и обязанностей определенного лица [24], т. е. применительно к наследованию – принятие наследниками прав и обязанностей наследодателя в полном объеме. При этом каждый из наследников осуществляет расчет с кредиторами по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества (п. 1 ст. 1175 ГК РФ).

В результате администрирования, напротив, наследники не становятся правопреемниками всей совокупности прав и обязанностей наследодателя, они лишь получают имущество, оставшееся после погашения долгов и обязательств умершего [4. – С. 105–106]. Тем не менее представляется, что в условиях существующих тенденций конвергенции правовых систем применение данного решения зарубежного законодателя является ввиду сложности категории наследственного фонда вполне допустимым к его к отечественному гражданско-правовому регулированию.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, следует заключить, что рецепция института наследственного фонда в российскую систему гражданского права – следствие активно развивающегося имущественного оборота, сопряженного с положительным расширением дозволительных начал опосредующего его гражданского законодательства. Существующая законодательная конструкция наследственного фонда требует глубоких концептуальных изменений в векторе упрощения процедуры его создания и расширения свободы волеизъявления завещателя. Следует предоставить возможность обязывания лиц, указанных в завещании и при жизни наследодателя добровольно принявших на себя функцию формирования в будущем органов управления наследственным фондом, не отказываться от вхождения в состав органа управления фонда и далее надлежа-

ще исполнять свои обязанности посредством заключения с ними соответствующего соглашения.

Безусловно, рассмотренный перечень проблем не является исчерпывающим; необходима

дальнейшая научная разработка наиболее оптимальных признаков отечественной модели института наследственного фонда с последующим их закреплением в ГК РФ.

Список литературы

1. Астафьева Т. А. Наследственный фонд: новелла российского законодательства и зарубежный опыт // Современное законодательство: развитие, проблемы и пути их решения : сборник материалов международной научно-практической конференции. – Курск : Региональный открытый социальный институт, 2018. – С. 7–14.
2. Аюшеева И. З. Особенности гражданско-правового положения наследственного фонда // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 8 (93). – С. 100–108.
3. Батталова Л. М., Худобина М. А., Шац В. А. Наследственный фонд: проблемы и перспективы // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей XV Международной научно-практической конференции. – Пенза : Международный центр научного сотрудничества «Наука и Просвещение», 2018. – С. 59–61.
4. Бисярина К. С. Наследственные фонды в законодательстве Российской Федерации // Эволюция российского права : материалы XVI Международной научной конференции молодых ученых и студентов. – Екатеринбург : ФГБОУ ВО «УРГЮА», 2018. – С. 105–107.
5. Будылин С. Л. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации. – М. : М-Логос, 2018.
6. Вавилин Е. В. Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009.
7. Волос А. А. Принципы-методы гражданского права и их система. – М. : Юстицинформ, 2018.
8. Вронская М. В. Соотношение российских наследственных фондов со смежными зарубежными правовыми категориями // Территория новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2019. – № 4. – С. 108–119.
9. Гаврилова А. Е., Талибуллин Р. Г. К вопросу о создании в Российской Федерации наследственных фондов // Инструменты и механизмы современного инновационного развития: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Ч. 5. – Уфа : ООО «Аэтерна», 2017. – С. 92–94.
10. Калачева Т. Л. Наследственный фонд в Гражданском Кодексе Российской Федерации // Законность и правопорядок: правосознание и правовая культура современного общества : сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. – Новосибирск : Издательство «Центр развития научного сотрудничества», 2018. – С. 24–29.
11. Козлова Н. В., Заикин Д. П. Некоторые проблемы создания и деятельности наследственных фондов в Российской Федерации // Российский нотариат: 25 лет на службе государству и обществу : материалы Международной научно-практической конференции. – М. : Фонд развития правовой культуры, 2018. – С. 88–94.
12. Крашенников П. В. Наследственное право. – 2-е изд. – М. : Статут, 2017.
13. Кузина С. В., Зотова Н. Н., Кочеткова К. И. Наследственный фонд: новое в российском законодательстве // Актуальные вопросы права, экономики и управления : сборник статей XVI Международной научно-практической конференции. – Ч. 2. – Пенза : Международный центр научного сотрудничества «Наука и Просвещение», 2018. – С. 22–25.
14. Ляшко С. Г. Наследственный фонд: проблемы правосубъектности // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2018. – № 3-4. – С. 90–94.
15. Мананкова Р. П. Современный этап отечественной цивилистики: достижения и ошибки // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 435. – С. 260–264.
16. Никончук Е. В. Наследственный фонд: в России и за рубежом // Право. Общество. Государство : сборник научных трудов студентов и аспирантов. – Т. 8. – СПб. : Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. – С. 210–214.

17. Отсутствует концепция: эксперты обсудили законопроект о наследстве в Общественной палате. – URL: <https://31.notariat.ru/ru-ru/news/otsutstvuet-kontseptsii-eksperty-obsudili-zakonoproekt-o-nasledstve-v-obshchestvennoi-palate> (дата обращения: 12.03.2020).
18. Павел Крашенинников – о новых формах наследования // Российская газета. – 2019. – 30 мая.
19. Ренц И. Г. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации. – М. : М-Логос, 2018.
20. Серова О. А. Наследственный фонд в российском праве: перспективы реализации новой модели наследования // Проблемы гражданского права и процесса : сборник научных статей. – Гродно : Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2018. – Вып. 3. – С. 194–204.
21. Суховенко А. Н., Арсенов Н. А., Околелова В. А. Институт наследственного фонда: проблемы теории и практики // Социально-политические науки. – 2018. – № 5. – С. 174–176.
22. Фатихова Л. М. Наследственный фонд как новый способ управления имуществом // Наука и образование третьего тысячелетия: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – Ч. 2. – М. : ООО «АР-Консалт», 2018. – С. 79–81.
23. Цыпляева Е. В. К вопросу о правопреемстве в наследственных правоотношениях // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2015. – № 1. – С. 47–51.
24. Черепахин Б. Б. Труды по гражданскому праву. – М. : Статут, 2001. – URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/22/page_33.html (дата обращения: 18.02.2020).
25. Чернущ Н. Ю., Морозова Е. С. Наследственный фонд в России: проблемы и перспективы правового регулирования // Инновационные исследования и разработки в области гуманитарных и социально-экономических наук : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – Ч. 2. – Белгород : ООО «Агентство перспективных научных исследований», 2019. – С. 49–53.
26. Global Wealth Report 2019. Research Institute. Credit Suisse, 2019. – October.